

Viktor Chernov in 1917–1920: touches to a political biography

O. Y. Kazenkov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-362-373

Research article
Full text in Russian

The article examines the hard path of Viktor Mikhailovich Chernov one of the founders of the Party of Socialist Revolutionaries (SRS) in the revolutionary period of 1917–1918. The article focuses on the connection of V. M. Chernov's practical policy with the political principles and plans for the transformation of Russia formulated by him during his emigration. The inconsistency in the policy of V. M. Chernov in the post-revolutionary period is proved, as this became one of the important factors of the crisis of the Socialist-Revolutionary party. The author believes that V. M. Chernov in his ideas about the political process in Russia remained in thrall to the traditions of the narodniks, which largely distinguished V. M. Chernov from the leader of the Bolsheviks V. I. Lenin. The author shows that the split in the Socialist-Revolutionary party was largely due to the issue of the Russia's continuation of participation in the First World War. V. M. Chernov was until May 1917 in the position of the decisions of the conference in Zimmerwald, but under pressure from the right wing of the Socialist-Revolutionary party he abandoned the principles of Zimmerwald, consolidating on the military issue with A. Kerensky. Chernov fundamentally disagreed with the Bolsheviks on the issue of nationalization of enterprises, which he actively opposed.

Keywords: Social Revolutionaries; February Revolution of 1917; October Revolution of 1917; Constituent Assembly; V. M. Chernov; Marxism in Russia; left opposition to the Bolsheviks; political strategy of the Social Revolutionaries

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kazenkov, Oleg Y. | E-mail: o.kazenkov@gmail.com

For citation: Kazenkov O. Y. Viktor Chernov in 1917–1920: touches to a political biography // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 4. P. 362-373. (in Russ.)

Виктор Чернов в 1917–1920 гг.: штрихи к политической биографии

О. Ю. Казенков¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-4-362-373
УДК 329

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается сложный путь Виктора Михайловича Чернова, который был одним из основателей партии социалистов-революционеров (эсеров), в революционный период 1917–1920 гг. В статье внимание фокусируется на связи практической политики В. М. Чернова со сформулированными им в эмиграции политическими принципами и планами преобразований России. Доказывается непоследовательность в политике В. М. Чернова в пореволюционный период, что стало одним из важных факторов кризиса партии эсеров. Автор считает, что В. М. Чернов в своих представлениях о политическом процессе в России остался в плену традиций народников, что в значительной степени отличало В. М. Чернова от лидера большевиков В. И. Ленина. Автор показывает, что раскол в партии эсеров произошел во многом из-за вопроса продолжения участия России в Первой мировой войне. До мая 1917 г. В. М. Чернов находился на позициях решений конференции в Циммервальде, но под давлением правого крыла партии эсеров отказался от принципов Циммервальде, консолидировавшись по военному вопросу с А. Керенским. В. М. Чернов принципиально расходился с большевиками по вопросу национализации предприятий, против чего он активно выступал.

Ключевые слова: эсеры; Февральская революция 1917 года; Октябрьская революция 1917 года; Учредительное собрание; В. М. Чернов; марксизм в России; левая оппозиция большевикам; политическая стратегия эсеров

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Казенков, Олег Юрьевич | E-mail: o.kazenzkov@gmail.com
Почетный работник сферы образования Российской Федерации,
советник при ректорате

Для цитирования: Казенков О. Ю. Виктор Чернов в 1917–1920 гг.: штрихи к политической биографии // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 4. С. 362-373.

Введение

В современной России пробуждается интерес к левым идеологическим течениям прошлого, давнего и относительно недавнего, что связано с переосмыслением советского опыта и того, что ему непосредственно предшествовало. Концепция построения социализма с «человеческим лицом» выглядит на сегодня не столь утопично на фоне тех заметных успехов, каких добился в экономике Китай. Трудно сказать, явилось ли экономическое чудо Китая результатом коммунистического

© Казенков О. Ю., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

выбора либо действия механизма новой глобальной экономики, но, так или иначе, факт остается фактом, демократический выбор в России в 1991–1993 гг. не привел нашу страну к тем же высотам в развитии, к каким пришел Китай, заметно отставший от СССР даже в конце 1980-х гг.

Разумеется, большинством россиян не ставится вопрос о необходимости восстановления СССР, но речь идет о заимствовании из советского прошлого многого в материальном и нематериальном аспектах. В этой связи изучение опыта политиков-марксистов и их теоретического наследия снова актуализировано в России [1; 2; 3; 4; 5].

Либеральным реформам в России предшествовала перестройка, но мало кто даже из историков сейчас понимает, что идеалы перестройки во многом перекликались с концепцией развития общества, выдвинутой много лет назад эсерами. Перестройка и НЭП оказались достаточно близкими явлениями, при этом НЭП стал в какой-то степени не только уступкой умеренным марксистам, но и признанием правоты последних, что Россия к тому времени не созрела для столь серьезных социальных экспериментов. Перестройка в определенной степени тоже явилась ответом на неудачи экономической политики 1950–1970-х гг., когда государство отказалось менять сущностные принципы развития, в частности, перейти к буржуазному закону рентабельности в экономике, частично отказавшись от доминирования марксистской теории стоимости в советской политической экономии, которая являлась не просто теорией, но и прямым руководством в практике. В конце 1950-х гг. советское руководство сделало ставку не на частичную реставрацию институтов буржуазного общества (предложение Г. М. Маленкова), а на технократическую модель экономического роста (эту политическую линию активно отстаивал Н. С. Хрущев), совмещенную с идеократическими принципами устройства общества [6].

У России были альтернативы в 1917 году и некоторое время после. Однако определение потенциалов этих альтернатив для развития российского общества в отечественной науке стало даваться сравнительно недавно. В этих оценках авторы продолжают отталкиваться от идеи, что высшим благом для общества в тех условиях было наращивание производства для преодоления отставания России от Запада. Свобода личности и защита ее от произвола по-прежнему недостаточно принимаются во внимание исследователями раннего советского периода как благо, к которому призывали эсеры и другие оппозиционные партии и течения.

Тема роли В. М. Чернова в ходе политических событий, связанных с Февральской и Октябрьской революциями, недостаточно изучена, в частности, мало освещена в литературе позиция В. М. Чернова по отношению к вопросу о вооруженной борьбе как с большевиками, так и с праворадикальной контрреволюцией. Связь моральных принципов и идеологических воззрений В. М. Чернова с его политической линией в пореволюционный период также недостаточно рассмотрена в российской историографии.

Целью настоящей статьи является исследование политического пути лидера эсеров В. М. Чернова в период революционных потрясений, включая гражданскую войну, с точки зрения противоречий отстаивавшихся им теоретических принципов и практики, а также выявление влияния этих противоречий на развитие партии социалистов-революционеров в рассматриваемый нами период. Из цели вытекают

следующие задачи: выявить принципиальные расхождения В. М. Чернова с большевиками и усиление этих расхождений на каждом этапе политической борьбы, рассмотреть идеологические основы концепции нового социально справедливого общества В. М. Чернова, изучить развитие раскола в партии эсеров, с точки зрения влияния на партию внешних для нее событий.

Мы применяем следующие методы исследования: проблемно-хронологический, генетический и биографический.

Изначальная идеологическая платформа построения социализма по В. М. Чернову

В. М. Чернов является одним из основателей партии социалистов-революционеров (эсеров). Эта партия выросла из социал-демократии и народничества, отвергнув, правда, идею последнего об особом русском пути развития, который, однако, пролегает через длительный этап капитализма. В. М. Чернов стал в этой связи на близкую В. И. Ленину позицию быстрого перехода России от царизма к социализму. Режим династии Романовых прочно ассоциировался у В. М. Чернова и других лидеров эсеров с российским капитализмом.

В. М. Чернов, в отличие от Ленина, сомневался незадолго до Февральской революции, что массы в России созрели, чтобы перейти к стадии построения социализма, максимум, что могло произойти, как он считал, – это свержение самодержавия, за которым последовали бы преобразования в духе построения буржуазной демократии.

Первый съезд Партии социалистов-революционеров состоялся в декабре 1905 г. В выработанной на этом съезде программе в первую очередь была поставлена задача свержения самодержавия и построения демократического общества с защищенными гражданскими свободами и правами рабочего класса [7, с. 365]. При этом эсеры планировали через Государственную Думу проводить политику, которая должна была способствовать наступлению революционного периода. Практически до апреля 1917 г. борьба за политическую свободу оставалась приоритетной целью эсеров, пока В. М. Чернов не изменил стратегию партии, что выразилось в озвученном им принципе: передать землю крестьянам посредством парламентской борьбы [8, с. 13–14]. В канун Февральской революции В. М. Чернов активно разрабатывал тему сельскохозяйственной кооперации как инструмента перехода общества к социализму.

В своей концепции кооперативного движения в России В. М. Чернов не был оригинален: он заимствовал ее почти целиком из программы Ганноверского съезда немецких социал-демократов 1899 г. Эсеры и близкая им Социал-демократическая партия Германии развивали идеи Прудона, который рассматривался большевиками как социалист-утопист.

«Прудонизм» призывал к созданию самоуправляемых коммун рабочих, объединенных еще и в производственные кооперативы, продукция которых потреблялась бы самими рабочими. Однако в 1909 г. эсеры пошли дальше, заявив на проходившем в том году своем съезде в Лондоне, что кооперативы будут нести еще и функции политических организаций. Смысл политизации кооперативов В. М. Чернов указал в одной из своих дореволюционных работ: воспитание народных масс в демократическом духе [9, с. 23]. По сути, В. М. Чернов не верил в возможность по-

строения социализма в условиях отсутствия демократии. В то же время кооперация должна была стать орудием против распространения частной собственности на землю среди крестьянства, что должно было наступить сразу после буржуазной революции [10, с. 40, 43–44]. Таким образом, В. М. Чернов противопоставил концепцию автономии русского крестьянства большевистскому принципу централизации и национализации земли [Там же. С. 53].

Эксперимент с кооперацией на селе В. М. Чернов считал вполне перспективным, поскольку русский крестьянин веками жил в условиях общины, в рамках которой регулярно происходил передел земли. Здесь В. М. Чернов отказывается порывать с традицией народничества в политической мысли российских левых. Однако он понимал, что экономика русской деревни существенно изменилась с периода великих реформ, поэтому среди мер постреволюционных преобразований им называлось изменение земельных границ между коммунами, мера, направленная, по сути, против зажиточных крестьян, как и изъятие излишка земли, которую владелец не мог обработать, последняя мера была в пользу уничтожения поместий [11].

За социализацией земли, по В. М. Чернову, должна была последовать социализация собственности на средства производства и жилья в городах, они, как и земля в городах, должны были перейти в собственность муниципалитетов. Но произойти это должно было не сразу, социализации подлежали в первую очередь те предприятия, которые наиболее для этого подходили [7, с. 148–149]. В. М. Чернов опасался, что радикальные марксисты создадут централизованную систему управления промышленностью, которая будет напоминать больше империализм, нежели социально справедливое общество.

В. М. Чернов после Февраля

Как и В. И. Ленин, В. М. Чернов много лет прожил в политической эмиграции, преимущественно в Швейцарии. Уже к Циммервальдскому съезду (летом 1915 г. левые из разных стран решили организовать съезд для выработки своей позиции по вопросу войны и мира) у В. М. Чернова возникли подозрения, что его однопартийцы не совсем верно оценивают ситуацию в российском обществе, что касалось в основном вопроса отношения россиян к войне. В. М. Чернов считал, что патриотические настроения в российском обществе еще есть, поэтому он сомневался в выборе пораженческой позиции, на чем настаивало большинство лидеров эсеров. Соответственно, по вопросу о войне В. М. Чернов разошелся и с Лениным, но уже в Циммервальде В. М. Чернов отказался разделять взгляды большевиков на распределение тягот войны в обществе и на природу глобального конфликта, в развязывании которого Ленин однозначно обвинял крупный капитал, в то время как В. М. Чернов ставил на первое место интересы правивших династий.

После Февральской революции В. М. Чернов противопоставил большевистской концепции национализации свою социализацию, концепцию, созданную им в эмиграции. Получив пост министра сельского хозяйства во Временном правительстве, В. М. Чернов стремился реализовать эту идею.

Главной текущей проблемой после Февраля для России оставалась война. В. М. Чернов рассматривался спецслужбами Антанты в качестве пораженца из-за в первую очередь его подписи под декларацией конференции в Циммервальде. Однако после переговоров с британскими чиновниками В. М. Чернов выезжает в Рос-

сию на специальном пароходе, который эскортировали два английских катера, в Швецию, откуда на поезде через финский Торнио прибывает в Петроград. На британском пароходе в Россию отправились также эсеры-оборонцы Борис Савинков и Н. Д. Авксентьев (последний возглавит впоследствии в Сибири Директорию). Сразу после прибытия в Петроград В. М. Чернов показал неопределенность своей позиции по вопросу о продолжении войны, он встал на путь активного сотрудничества с Временным правительством, что означало, по сути, сход партии эсеров с пути революции. Правда, сам В. М. Чернов объяснил свое сотрудничество с буржуазными политиками, включая А. Керенского (к нему многие эсеры относились отрицательно), как шаг, направленный на спасение демократической революции [12, с. 372].

В военном вопросе В. М. Чернов выступил весной 1917 г. с резкой критикой министра иностранных дел, назвав его «Милюков Дарданельский» [13, с. 16]. В ходе политического кризиса конца апреля 1917 г., который стал ответом Петроградского совета на ноту П. Н. Милюкова по поводу российских целей войны, В. М. Чернов полностью поддержал антивоенные силы и сторонников оборонительной войны, призвав к отставке П. Н. Милюкова. Апрельские демонстрации окончательно привели В. М. Чернова к представлению необходимости формирования социалистического правительства, в котором представители буржуазных партий не занимали бы ведущей роли [12, с. 372]. В результате социалисты получили 6 портфелей из 15 после отставки П. Милюкова, но В. М. Чернов отказался от поста министра иностранных дел, потому что Временное правительство продолжало курс, который был далек от идеалов конференции в Циммервальде.

Однако на Третьем конгрессе партии эсеров (конец мая – начало июня 1917 г.) В. М. Чернов сам отверг решения в Циммервальде, поддержав группу центристов в рядах партии, эту группу возглавлял Абрам Гоц, который выступил с резолюцией о продолжении войны до победного конца и безоговорочной поддержки Англии и Франции, что означало одобрение наступательных планов Генерального штаба. В. М. Чернов поддержал резолюцию А. Гоца [14, с. 204]. Получалось, что кризис с отставкой П. Милюкова был спровоцирован петроградскими ультралевыми, когда на всероссийском конгрессе эсеров в Москве возобладала в ходе голосования за резолюцию А. Гоца позиция явно патриотического толка.

На Третьем съезде партии эсеров В. М. Чернов признал, что народные массы в России еще не созрели для продолжения революции, то есть ее перевода уже в социалистическую стадию. Этим и тем, что России угрожал полный коллапс, объяснялось сотрудничество эсеров с Временным правительством.

В день объявления о создании нового коалиционного правительства 5 мая 1917 г. В. М. Чернов в умеренном тоне высказался по поводу будущей аграрной политики (она должна была проводиться до созыва Учредительного собрания) и сделал акцент на перераспределении земельных ресурсов в пользу решения вопроса о росте производства продовольствия для всего народа [15, с. 1]. Тем не менее на Третьем съезде большинство партии эсеров высказалось за конфискацию излишков земли без выплат соответствующих компенсаций [14, с. 430–431] (под излишками имелись ввиду площади, которые индивид был не в состоянии обработать собственными руками). До Учредительного собрания вся земля должна была перейти в управление специальных сельских комитетов. Таким образом, эсеры в конце мая 1917 г. призвали к проведению революции на селе, что В. М. Чернов

одобрил. Однако основной удар в ходе этой революции, как следует из материалов съезда, должен был быть направлен против последствий столыпинской реформы и против созданного ею сегмента – зажиточного крестьянства.

На практике в конце июня 1917 г. В. М. Чернов в рамках своего министерства вернулся к идее восстановления крестьянской общины, в ряде случаев разрушенной реформами П. А. Столыпина [16, с. 237]. Правда, до Февральской революции вопрос общины не рассматривался В. М. Черновым и партией эсеров как существенный в их программе аграрных преобразований. Предпринятая в середине мая 1917 г. попытка В. М. Чернова ввести законодательный запрет на сделки с землей провалилась, так как в регионах население не было готово принять такой закон, но В. М. Чернов встретил здесь также возражения со стороны министра юстиции Переверзева, который тоже был эсером [16, с. 237]. Справа на В. М. Чернова наступал князь Г. Е. Львов, занимавший пост министра внутренних дел. Г. Е. Львов настоял на сохранении старых имперских законов в сфере регулирования землепользования, что вызвало недовольство многих крестьян Временным правительством. В итоге Г. Е. Львов подал в отставку, когда В. М. Чернов и эсеры получили явный перевес в правительстве, взяв аграрный вопрос в свои руки.

Война, которую В. М. Чернов не хотел, но вынужден был принять

В связи с тем, что к августу 1917 г. эсеры добились заметных успехов, оттеснив кадетов от власти, вполне понятно, почему А. Гоц и возглавленное им еще весной 1917 г. правое крыло партии выступили категорически против Октябрьской революции [17, р. 454]. В данных условиях В. М. Чернов не решается идти против партийного большинства, но и не желает принимать активное участие в организации сопротивления в Петрограде, предпочитая покинуть столицу (22 октября 1917 г.) под предлогом встречи с однопартийцами в Москве. Была еще и другая причина этого отъезда – В. М. Чернов планировал проехать из Москвы сразу на фронт, в район Могилева, чтобы вступить в переговоры с левыми военными.

Попытку вооруженного сопротивления большевикам возглавил Н. Д. Авксентьев, части, расквартированные в Петрограде, категорически отказались выступать на стороне эсеров, поэтому Н. Д. Авксентьев обратился к юнкерам, которые в большинстве своем поддерживали кадетов, это произошло уже 29 октября 1917 г., когда большевики в военном отношении имели преимущества в столице, выступление юнкеров закончилось катастрофически для последних.

В. М. Чернов мотивировал свой отказ от участия в сопротивлении большевистскому перевороту тем, что народ не поддержит идею спасения Временного правительства, которое утратило доверие масс. В этой связи В. М. Чернов намеревался создать новое правительство, состоящее из социалистов, но сделать он это хотел при помощи армии, для чего отправился в Могилев. Однако В. М. Чернов сделал это явно под давлением части однопартийцев и с надеждой, что инициатива по созданию нового правительства будет поддержана другими партиями.

В Могилеве В. М. Чернов начал осознавать, что опора на военных в лице Главного армейского комитета (его возглавлял капитан С. В. Перекрестов) приведет к конфронтации с другими политическими силами в стране. Поэтому в начале ноября 1917 г. Главный военный комитет сам отказывается от проекта создания нового правительства. Правда, не все было потеряно, военные надеялись на голос

В. М. Чернова, от которого должна была четко исходить инициатива по вопросу о новом правительстве, но В. М. Чернов решительно отказался от этого 10 ноября 1917 г., произошло это во многом под давлением А. Гоца и Н. Авксентьева [18, с. 9], которые специально прибыли в Могилев отговаривать Чернова от этого политического проекта и от плана провести Всероссийский крестьянский съезд в Могилеве. Н. Авксентьев убедил В. М. Чернова поддерживать А. Керенского, который обещал уступки эсерам. Правда, сам Авксентьев и, разумеется, В. М. Чернов понимали, что развитие линии на сотрудничество с А. Керенским быстро приведет к потере поддержки эсеров со стороны Советов. Впрочем, В. М. Чернов и его соратники были уверены, что они получат активную поддержку со стороны Всероссийского крестьянского съезда, который начал работу в Петрограде 10 ноября 1917 г. под председательством представителя левого крыла эсеров Марии Спиридоновой, правые эсеры отказались принимать участие в этом съезде.

В Петрограде на В. М. Чернова с критикой обрушился А. Зиновьев, обвинив лидера эсеров в попытке сговора с царскими генералами в Могилеве. А. Зиновьева поддержали левые эсеры, не поверившие заявлению В. М. Чернова, что тот в Могилеве пытался вместе с военными остановить начавшуюся в стране гражданскую войну [19, с. 345–346]. Правда, на Четвертом съезде партии эсеров В. М. Чернов выступал, несмотря на столь тяжелые обвинения в предательстве трудового народа, в качестве сопредседателя. На съезде со стороны правых эсеров В. М. Чернов был обвинен в «ударе ножом в спину» А. Керенскому [20, с. 91]. Правда, В. М. Чернов сумел удержать лидирующее положение в партии, потеснив Гоца.

То, что В. М. Чернов сохранил к декабрю 1917 г. лидирующее положение в партии, объяснимо еще и тем, что на тот момент он идейно сошелся с Гоцем и другими лидерами эсеров в вопросе борьбы с большевиками. Гоц находился на позиции организации вооруженных выступлений в случае разгона Учредительного собрания, такой же точки зрения придерживался в конце ноября 1917 г. В. М. Чернов, который выступил за защиту прав народа от узурпации [21].

На Четвертом съезде партии (декабрь 1917 г.) В. М. Чернов призвал к терпению и отказу от резких действий, тем более вооруженных. Он предложил эсерам выжидательную позицию, ждать, пока большевики не покажут свое истинное лицо, и массы от них не отвернутся. Большевиков и многих примкнувших к ним левых эсеров В. М. Чернов считал экстремистами. В этой связи он считал необходимым выступить с оружием в руках против большевиков, когда народные массы будут против их власти, в противном случае имелась угроза оказать таким вооруженным выступлением помощь в первую очередь силам контрреволюции [22]. Кроме того, на Четвертом съезде В. М. Чернов заявил, что террористические методы борьбы с большевиками категорически не допустимы, на первое место выдвигалась пропаганда как метод политической борьбы, особенно пропаганда, направленная на отвлечение от большевиков пролетариата.

Несмотря на свой пацифистский настрой, В. М. Чернов предложил в начале декабря 1917 г. Четвертому съезду партии эсеров направить усилия на защиту будущего Учредительного собрания, что встретило протесты со стороны левого крыла партии, вплоть до требований лишить В. М. Чернова права председательствовать. Несмотря на оппозицию слева, эсеры все-таки начали формирование Комитета обороны Учредительного собрания, который должен был работать в тесном контакте

с Военным комитетом партии эсеров [23, р. 336–349]. Но 18 декабря 1917 г. В. М. Чернов и ряд других лидеров эсеров были арестованы по приказу Ф. И. Дзержинского. Но, по настоянию Ленина, арестованные были отпущены, свою роль здесь сыграл новый министр юстиции РСФСР И. Н. Штайнберг, который был левым эсером. Ленин послушал совета И. Н. Штайнберга, последний также был настроен в пользу разрешения проведения Учредительного собрания.

Учредительное собрание было собрано 5 января 1918 г. в далеко не полном составе, большинство составляли эсеры, когда большевики даже в союзе с левыми эсерами оказались в меньшинстве. В. М. Чернов считал самым главным обсудить в ходе Учредительного собрания план аграрной реформы, точнее, его набросок. Однако большевики считали не менее актуальными и другие задачи, например, вопрос о мире. Но В. М. Чернов отверг идею сепаратных переговоров с Германией. Он также выступил в своей речи на Учредительном собрании против полного самоопределения наций, он считал необходимым сохранить Россию в границах 1914 г. – в форме федерации, но в старых границах. Советы В. М. Чернов поставил ниже Учредительного собрания, что означало юридическое принижение решений советских органов власти [24, р. 101].

Поворотным моментом, окончательно «похоронившим» Учредительное собрание, стал запрет для большевистской фракции объявить Декларацию о правах трудящихся и эксплуатируемых, в ответ большевики и левые эсеры покинули Учредительное собрание. Когда В. М. Чернов выступил с предложением рассмотреть вопрос об аграрной реформе, последовало знаменитое заявление: «Караул устал» [25, с. 366].

В конце мая 1918 г. в Москве проходила восьмая партийная конференция эсеров, на которой было принято решение в ответ на Брест-Литовский мир начать вооруженную борьбу с большевиками. Помимо Брест-Литовска, была и другая причина – разгон Учредительного собрания. В. М. Чернов уже не играл столь важную роль на этом съезде, как в декабре 1917 г. и 5 января 1918 г. После этой конференции В. М. Чернов был вынужден уйти в подполье, чтобы не попасть в руки ВЧК. Уже перед переходом на нелегальное положение В. М. Чернов выработал эсеровскую концепцию гражданской войны: провокация одного крестьянского восстания за другим, пока волна народных выступлений не захлестнет Россию и не сметет режим большевиков. Однако это нельзя назвать в полном смысле стратегией, это был только ее набросок. Для практической реализации плана свержения режима Ленина требовались вооруженные формирования. Народная армия Комуча была таковой, но она не являлась в полном смысле эсеровской, опираясь при этом на белочехов. К осени 1918 г., когда Лев Троцкий развернул свое знаменитое наступление в Поволжье, от Народной армии практически ничего не осталось.

На Уфимской конференции эсеров (сентябрь 1918 г.) В. М. Чернов из-за своей жесткой позиции по отношению к Сибирскому правительству и любым правым контрреволюционным формированиям теряет контроль над ситуацией в партии, где начинает доминировать Авксентьев, в значительной степени по инициативе которого была сформирована Директория, которая завершит свое существование 18 ноября 1918 г. в результате переворота, организованного в Омске сторонниками адмирала Колчака. Само это событие в Омске едва ли можно назвать переворотом, так как Директория была чуждой для сибиряков политической структурой, при-

шедшей к ним из Екатеринбурга, где местная буржуазия не хотела видеть у себя в городе лидеров эсеров.

В. М. Чернов уехал в Уфу, преследуя цель – противодействовать коалиции эсеров с правыми буржуазными партиями и группировками, которые он почти все считал антидемократическими, в первую очередь это касалось сил, стоявших за адмиралом Колчаком [24, р. 152]. В этой связи в ходе Уфимской конференции В. М. Чернов издал манифест, призывавший эсеров бороться как с большевиками, так и с белыми, так появилась идея третьей силы в Гражданской войне в России [25, с. 389]. Однако многие однопартийцы В. М. Чернова из правого крыла уже не желали его слушать, партия фактически развалилась.

В конце 1918 г. под влиянием во многом В. М. Чернова ЦК партии эсеров выработал позицию: отказ не только от вооруженной борьбы с большевиками, но и от сотрудничества с ними, а также курс на борьбу с правой реакцией.

За переворотом в Омске последовали преследования со стороны колчаковских спецслужб эсеров, в итоге В. М. Чернов был вынужден вернуться в Москву, побывав перед этим недолго под арестом у белых. Лишь заступничество белочешского генерала Гайды спасло тогда В. М. Чернова от расправы со стороны офицеров-монархистов.

6–8 февраля 1918 г. эсеры провели в Москве нелегальный съезд, важным решением которого была концепция свержения всех правых реакционных режимов в России [26]. По сути, это означало объединение с большевиками в один фронт. В этой связи неясными становятся мотивы и организационные механизмы покушений эсеров на Ленина и Володарского, причастность руководства партии эсеров к этим терактам отрицал А. Р. Гоц [27].

В мае 1920 г. после очередного осложнения отношений эсеров с режимом большевиков В. М. Чернов вынужден был покинуть Россию. Попытки восстановить партию на территории Эстонии потерпели неудачу из-за тяжелого финансового положения партии и внутренних разногласий [28, р. 124–125].

Заключение

Драма В. М. Чернова и трагедия многих эсеров, а также катастрофическое поражение этой партии во время Октябрьской революции и Гражданской войны стали следствием непоследовательности в политике лидеров этой партии, в частности самого В. М. Чернова, а также самого характера организации партии социалистов-революционеров. В. М. Чернов отказался поддерживать А. Ф. Керенского, вопреки мнению других лидеров партии. Но, даже отказавшись поддерживать идею движения России к демократии под властью Временного правительства, В. М. Чернов мог добиться успеха, прояви он решительность в вопросе поиска опоры в армии во время его краткого могилевского периода, но и этого не происходит.

В. М. Чернов отказался от поста министра иностранных дел, имея все шансы, получив эту должность, вывести свою партию вперед, но он был уверен, что и без этого эсеры будут удерживать лидерство, несмотря на углублявшийся экономический и политический кризис. В этом смысле В. М. Чернова подвело наследие народничества в его политическом мировоззрении. Согласно народникам, именно массы должны определять все, без их подъема революция немыслима. В этой связи В. М. Чернов все надежды возложил на Учредительное собрание. В этом смысле

его оппонент – Ленин – оказался более прагматичен, официально он тоже декларировал определяющую роль народа в революционном процессе, но на практике опирался на агрессивное меньшинство. Жизнь показала, что якобинская, по своей сути, политическая стратегия Ленина оказалась верной, когда чисто русская стратегия социальной революции В. М. Чернова потерпела крах.

В. М. Чернов считал главным вопросом вопрос о земле, в то время как Ленин делал ставку на решение военной проблемы, или выхода России из Первой мировой войны. Эта проблема оказалась более актуальной для россиян, когда вопрос о земле, как справедливо считал Ленин, находился в процессе решения на местах, то есть в руках крестьянской стихии, противодействовать которой на раннем этапе социалистической революции Ленин не считал необходимым.

Ссылки

1. Куприянов В. А. Идея революции в русском и западном классическом либерализме // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции / Под общ. ред. И. Т. Касавина, А. М. Фейгельмана. Н. Новгород, 2019. С. 266–268.
2. Лукьянов М. Н. Российская радикальная правая накануне Первой мировой войны глазами британского историка: заметки на полях книги Джорджа Джилберта «Радикальная правая в позднеимперской России: мечты о подлинном отечестве?» // Вестник Пермского университета. История. 2018. Выпуск 3 (42). С. 135–140.
3. Возилов В. В. «Левый» и «правый» радикализм в идеософии и практике русской интеллигенции в начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 22–24.
4. Булдаков В. П. Марксизм, Ленин, революция: метаморфозы великой легенды // Российская история. 2020. № 2. С. 3–24.
5. Зверев В. В. Ленин: социализм, народники и мировая революция // Российская история. 2020. № 2. С. 31–34.
6. Попов Г. Г. Между либерализацией коммунизма и ортодоксальным марксизмом (осмысление эволюции советского экономического развития 1950–1960-х гг.) // Terra Economicus. 2019. Т. 4. № 17. С. 113–128. DOI 10.23683/2073-6606-2019-17-4-113-128.
7. Партия социалистов-революционеров. Съезд (1 ; 1905). Протоколы Первого съезда Партии социалистов-революционеров / Партия социалистов-революционеров. Съезд (1; 1905). [СПб.: Красное знамя, 1906]. 590 с.
8. Чернов В. М. Аграрный вопрос и современный момент. М.: Земля и воля, 1917. 39 с.
9. Чернов В. М. Конструктивный социализм. М.: РОССПЭН, 1997. 291 с.
10. Чернов В. М. Пролетариат и трудовое крестьянство. М.: Новое издательство, 1906. 90 с.
11. Чернов В. М. Разрушение общины и наша программа // Знамя труда. Июль 1911. № 37. С. 4–8.
12. Чернов В. М. Рождение революционной России (февральская революция). Париж: Юбилейный ком. по изданию тр. В. М. Чернова, 1934. 446 с.
13. Чернов В. М. Записки социалиста-революционера. Берлин: З. И. Гржебин, 1922. 213 с.

14. Протоколы Третьего съезда Партии социалистов-революционеров, состоявшегося в Москве, 25 мая – 4 июня 1917 г.: (Стеногр. отчет). Петроград: ЦК Партии социалистов-революционеров, 1917. 502 с.
15. Вестник Временного правительства. 6 Мая 1917 г. № 49.
16. Чернов В. М. Великая русская революция: воспоминания председателя Учредительного собрания, 1905–1920. М.: Центрполиграф, 2007. 428 с.
17. Radkey O. H. The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries, March to October, 1917. New York: Columbia University Press, 1958. 521 p.
18. Семенов Г. Военная и боевая работа Партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг. М.: Гос. изд-во, 1922. 39 с.
19. Чернов В. М. Перед бурей: воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 412 с.
20. Краткій отчетъ о работахъ Четвертаго Съезда Партіі социалистовъ-революціонеровъ. (26 ноября – 6 декабря 1917 г.). Петроград: Центр. изд-во Партии социал-революционеров, 1918. 106 с.
21. Партия социалистов-революционеров: документы и материалы. В 3 т. Т. 3, ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. / Сост., автор предисл., введ. и коммент. Н. Д. Ерофеев; отв. ред. В. В. Шелухаев. М.: РОССПЭН, 2000. 1055 с.
22. Чернов В. М. Из итогов прошлого опыта // Революционная Россия. Декабрь 1922. № 22. С. 4–5.
23. Radkey O. H. The Sickle Under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule. «Studies of the Russian Institute». New York and London: Columbia University Press, 1963. 525 p.
24. Tchernoff O. New Horizons. Reminiscences of the Russian Revolution, translated from the French by C. Herbert. Westport: Hyperion Press, 1975. 250 p.
25. Чернов В. М. Перед бурей: [Мемуары лидера партии эсеров]. М.: Междунар. отношения, 1993. 406 с.
26. РГАСПИ. Ф. 274, оп. 1, д. 1, л. 56; Дело народа. 1919. 20 марта.
27. Центральный Архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ РФ). Н 1789. Т. 95. Л. 110.
28. Новиков А. П. В. М. Чернов и эсеровская эмиграция в начале 1920-х гг. // Новый исторический вестник. 2009. № 1. С. 118–127.